

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

25 июля 2014

Макс Неттлау

**«От платформы» до
«тесного контакта»
с «пролетарским
государством СССР»**

Макс Неттлау

«От платформы» до «тесного контакта»
с «пролетарским государством СССР»

1932

Сохранено 19 июля 2014 года из <http://spb-anarchists.anho.org/nettlau02-14.htm>

Оглавление

* *

13

Это является, как показывают последние строки (стр. 15, 16) полнейшей сдачей П. Аршинова перед русским государством, и с этого момента он перестал представлять для наскакой бы то ни было интерес. Во всех революционных партиях бывает известный процент утечки, утечки старых активистов, которые по той или иной причине уходят и иногда отрекаются от своих убеждений. Я помню время, когда знаменитый террорист Тихомиров ушел и выпустил свою книгу «Почему я перестал быть революционером», напечатанную в Париже в 1888 году. Я помню анархистов, ставших клерикалами, фашистами, социал-демократами и т.д. Иногда они хранят молчание, часто же они испытывают неодолимое желание сокрушить идеи, переставшие быть их идеями. Это физиологические процессы, размягчение, разложение и отбрасывание усталых и не приспособленных. Я не считаю Аршинова одним из таких людей, хотя я и мало знаю его. Я считаю его одним из тех, кто никогда не был анархистом, кто пришел в наши ряды в 1906 году, когда широкая революция, рабочая борьба анархистов-террористов привлекла его больше, чем рассчитанная и дисциплинированная тактика большевицкой партии, к которой он принадлежал. По той или иной причине он упустил вернуться к большевикам в 1917 году, когда он уже видел их материальные успехи и когда анархисты были устранены. Он возвращается к ним в 1931 году, и единственные слова, которые можно сказать ему теперь, таковы: счастливого пути!

Можно только поблагодарить Петра Аршинова за то, что он, по крайней мере, положил конец всяким сомнениям, вызванным его «Платформой», появившейся в октябре 1926 года, ибо он открыто отрекся от анархизма в своем докладе в октябре 1931 года: «Анархизм и диктатура пролетариата.» Ничего лучшего он не мог сделать, как разрубить запутанный узел своим откровенным признанием того, чего он ждал от анархизма, чего он в нем не нашел и почему он не высокого мнения о нем теперь. С такой же откровенностью можно ему сказать, что он — один из многих, не вполне понявших эту идею, один из тех, кто приписывает ей всякие качества и потом ждет от нее чудес, которых она не может совершить, особенно по срочному заказу. Такие люди обычно отворачиваются от анархизма и, уходя, хлопают дверьми. Такие случаи очень обычны. По временам бывает так, что разочарованные встречаются чаще, чем люди, вполне проникшиеся духом идеи. Но какое это имеет значение? Наша задача тяжка, и наша работа должна идти своим чередом.

Я обсуждаю этот частный случай потому, что, вследствие усердия «платформистов», их попытка привлекла к себе международное внимание. Они вызвали бесконечную полемику во Франции, в то время как в Испании они встретили лишь слабый отклик. Петр Аршинов в названной статье признает, что ему высказано было порицание многими деятелями, в числе которых Малатеста, Луиджи Фабри, Себастьян Фор, Волин, М. Корн и даже я сам. Все это вполне правильно, но крайне дурной вкус или очень богатое воображение заставляет Аршинова назвать лидеров испанских анархо-синдикалистов и таких товарищей, как Рокер, Зухи, Шапиро, сочувствующими «железной необходимости установления в стране системы пролетарской диктатуры». Он утверждает, что Кропоткин одобрил

«пролетарское государство», каким определил его Ленин в книге «Государство и революция». (Страницы 13 и 8). Защищаться против этого незачем и протеста также не требуется.

В конце концов, в чем же дело? Каждый, кто восстает во имя революции, очевидно хочет продолжать эту революцию, достигнув ее цели, защитить себя от ее врагов. Революция и узурпация оба могут применять одни и те же насильственные средства, но они различаются в том, что революция делается для блага всего человечества, узурпация же — для пользы группы, отдельных лиц, классов или сословий, представляющих частные интересы. Диктатура вначале была командованием, добровольно вручившимся лицу, по общему признанию обладавшему необходимыми качествами, на случай бедствия или опасности. Диктатор удалялся от власти после того, как его задача была выполнена, как сделал это в древнем Риме Цинцинат, вернувшийся к своему плугу. Постепенно диктатура вылилась в тираническую узурпацию и превратилась в деспотический цезаризм, в самодержавие: впервые это сделал Сулла и Марий, потом Юлий Цезарь подготовил почву для Октавиана (Августа), а вскоре затем — для Тиберия и Нерона. Духовное руководство из рук первых христиан перешло к общему собранию епископов, к папе, от верующих — к священнику. Подобным же образом и внутри социалистических партий и организаций власть переходит в руки исполнительных комитетов, признанных лидеров и т.д. Так обстоит дело во всяком движении, где *свобода находится в пренебрежении*, где власть создают или подчиняются ей. Это вовсе не неизбежно, ибо везде, где творится истинно полезная работа, как, например, в науке, технике, искусстве, где для всякой деятельности необходима надлежащая подготовка, все делается теми, кто может выполнить работу наилучшим образом. Их работу рассматривают, сравнивают,

«В нашу эпоху, начиная с Французской Революции, главной формой гнета является капитализм, эксплуатирующий труд. . .»
«В современной борьбе классов всякая победа рабочего класса есть победа прогресса и человечества вообще; всякое же поражение есть остановка и отступление. Никакое противоречие здесь невозможно: если бы нам когда-нибудь предложили совершить какое-нибудь действие, полезное для интересов пролетариата, но опасное для интересов человечества или личности вообще, то мы ответили бы, что здесь ошибка, и что такая тактика бесспорно вредна для самого пролетариата. «Диктатура пролетариата» нам это показывает: партия, которая присваивает себе право говорить и законодательствовать именем пролетариата, создает для последнего режим политического и экономического рабства, который совершенно не дает ему возможности воспользоваться завоеваниями той революции, за которую он проливал свою кровь. Нельзя защищать угнетенный класс, попирая ногами права личности, ее свободу мнений, ее человеческое достоинство. . .»

В этих словах хорошо выражено понимание связи интересов человечества, социализма, свободы и науки, а также условия и ритма прогресса.

Петр Аршинов, однако, заканчивает следующим предложением, обращенным к анархистам: «Признать исторически неизбежной и необходимой эпоху диктатуры пролетариата». Это предложение он понимает в том смысле, что — как он старательно поясняет это в уточненных выражениях — необходимо «радикально изменить свое отношение к пролетарскому государству СССР», т.е. к нынешнему русскому государству, которое для Аршинова является зародышем мира «освобожденного труда». Он призывает анархистов «вступать в тесный контакт с этим государством» и т.д.

Огромная перемена, которую принес бы с собою подлинно свободный и целостный социализм, не может быть исчерпана в программах, конституциях, правилах, ни воплощена в советах, ни выражена в книгах, или брошюрах, или в спорах. Такая перемена означает прогрессивное повышение уровня всей жизни в направлении к свободе и солидарности. Было бы в одинаковой степени узостью считать такую перемену воплощенной в пролетариях, как и думать, что настоящие и прошлые ступени цивилизации могут быть представлены буржуазией, или аристократией, или духовным сословием, или кастой. Эту перемену принесут все живые силы человечества и это движение будет иметь свои взлеты и падения, успехи и неудачи, местные и мировые. Социальные перевороты и внезапные революционные перемены будут плодотворными, будут творить историю только в том случае, если они не будут диктаторскими узурпациями, а будут новой весной и летом, когда, в соответствии с посеянным добрым семенем, будет зреть обильный урожай. Такие вещи не делаются в отравленной атмосфере всемогущества ЧК, при помощи свирепого бюрократического аппарата, направляемого людьми, которые усердствуют для того, чтобы не быть расстрелянными.

Но я хотел бы привести несколько, хорошо продуманных замечаний из статьи опытного русского товарища М. Изидина в «Plus loin» (Париж), написанной в мае 1930 года под заголовком: «Человечество или класс»:

«. . . В своем движении вперед человечество в каждую данную эпоху выдвигает на первый план задачу борьбы против какой-нибудь формы гнета: уничтожение рабства и крепостничества, свободу совести, уничтожение феодальных привилегий, свержение политического деспотизма, освобождение угнетенных народностей, уничтожение наемного труда и т.д. . . .»

и полезность ее не зависит от иерархического положения тех, кто ее делает.

Во всяком случае, это — необходимое и нежелательное условие всякой продуктивной работы, и если власть вмешивается сюда, то в результате получается разложение и понижение продуктивности. Прогресс творится искусством и способностями, тогда как власть, сама по себе бессодержательна, может, быть применена и к хорошим, и к плохим целям, может создать нечто полезное или же привилегию, угнетение.

Анархизм желает восстановить творчество на путях разумности, опыта и знания, вернуть ему его место, т.е. освободить его от посторонних влияний, а таковыми являются государство, монополия, невежество, предрассудок и отсутствие независимости.

Если люди, кто бы они ни были, желают подчиняться таким влияниям, — а всякая диктатура является таким влиянием, — то они не есть и не могут быть анархистами. Если они по какой-нибудь другой причине считают себя анархистами, то они ошибаются, а если они хотят навязать такие мнения анархистам, то не смогут этого сделать даже при условии широчайшей терпимости по отношению ко всему разнообразию личных взглядов. Таких людей нельзя считать анархистами: они принадлежат к числу сторонников власти. Петр Аршинов имеет полное право заявить, что он не согласен с анархизмом, и в чем именно он не согласен с ним, и что именно он предпочитает ему, — но он должен понять, что он не может быть в двух разных лагерях в одно и то же время: быть анархистом и сторонником диктатуры, ибо одно исключает другое.

Я узнал из его биографии, напечатанной «Группой русских анархистов в Германии» (Берлин 1922) в книге под заглавием «Гонения на анархизм в Советской России» (страница 48, где

напечатан документ, исходящий от его тогдашних ближайших товарищей), что он был рабочим в Екатеринославе, принимал участие в движении с 1904 года, сначала в качестве члена большевицкой партии, выпускавшей свой нелегальный закавказский орган «Молот» в 1905-6 г.г. Он стал анархистом в 1906 году, был очень активен в революционной рабочей борьбе последующие годы, едва избежал смерти на виселице и, наконец, в 1910 году попал в тюрьму, где и пробыл до марта 1917 года. Он принял участие в октябрьской революции в Москве, принимал участие в издании анархической литературы, а в 1919 году участвовал в организации борьбы с Деникиным. Позднее он подвергся преследованию в качестве одного из тех анархистов, которые не пожелали преклониться перед советской властью. Его активность в махновский период широко известна.

Это весьма почетное прошлое показывает, до какой степени он возлагал свои надежды и веру на прямое революционное действие рабочих анархистов, которые могут увлечь других за собой. Он был ближайшим свидетелем того, как большевики накладывали свою руку на все и становились преобладающей партией. Это больно задело его чувство уже в 1917 году (стр. 5 его брошюры). Таким образом, он измеряет социальные воззрения — достигаемыми успехами. Такой метод не является доказательством против анархических идей и тактики. Если в наши дни какой-нибудь шарлатан рекомендует патентованные лекарства, а ученый объявляет о ценном труде, то, при нынешнем положении вещей, шарлатан будет продавать успешнее. Именно это и есть причина, почему все усилия должны быть приложены к тому, чтобы воспитывать людей в лучшем направлении. Очевидно, что легче захватить власть, и действовать диктаторскими мерами в течение неопределенного периода времени, который продолжается уже почти 15 лет,

нием при переводе. Во всяком случае, сам я строго разделяю «социальных реформаторов» (тех, кто борется за какую-нибудь особую социальную реформу), от «социал-реформистов» (известного типа социалистов, накладывающих заплатки на современный строй и отвергающих революционную тактику). Все мы — «социальные реформаторы», но только «умеренные известного типа являются «социал-реформистами.»

Я не сделал из этих фактов тех заключений, которые Петр Аршинов излагает своим читателям (стр. 10). Я только объяснил в указанных строках, написанных 27 апреля 1931 года, что события 14 апреля относятся к первой категории внезапных перемен и не должны измеряться мерками, приложимыми ко второй категории.

Петр Аршинов также представил и положение в Испании летом 1931 года, когда он посоветовал руководствоваться русской тактикой дооктябрьского периода 1917 г. для того, чтобы придти к диктатуре, содержание и дух которой могут и не быть тождественными с духом и содержанием русской диктатуры. Он также утверждает, что Бакунин был сторонником революционной (пролетарской) диктатуры (стр. 8). Все это до такой степени неверно, что говорит либо о неосведомленности Аршинова, или о недобросовестности его рассуждений.

чем заставить миллионы, никогда не слышавших об анархических идеях, действовать в согласии с анархическими идеями и идеалами. С первых же шагов масса приведена была к молчанию и послушанию. На смену царской власти пришла большевицкая власть. Вышло так, что все осталось более или менее по старому, а настоящая социальная проблема оказалась отодвинутой в будущее: как научатся эти массы быть свободными, как создадут они для себя богатство, разнообразие и красоту жизни, которые и являются подлинной целью социализма? Когда царизм и капитализм управляли ими, то эти цели и этот идеал стояли перед массами. *При нынешнем же положении вещей массам запрещено даже лелеять в душе иные идеалы, чем те, которые предлагает им власть. Это означает, что самое святое право человека, право самому работать над своим прогрессом, отнято у масс* и что диктатура поставила массы в положение индейцев, живших в XVIII веке в иезуитских миссиях в Парагвае. От колыбели до могилы они находились под диктатурой попов и потеряли свое первородство. Такова же фашистская диктатура, калечащая души итальянцев вот уже 10 лет. Только таков может быть результат телесного и духовного порабощения и остановки развития ста миллионов и более русских, управляемых в порядке диктатуры.

Разве не очевидно, что диктаторскими методами можно поддержать всякий режим — за исключением режима, основанного на свободе? Тот же самый 1917 год видел в России несколько авторитарных разновидностей от царизма в январе-феврале до большевизма в ноябре-декабре.

Конечно, было, относительно, довольно много анархистов, социалистов, радикалов, либералов также и в Италии, и в 1919-20 г.г. социальный переворот казался близким. Однако, в ноябре 1922 года там установилась фашистская дикта-

тура. Какое отношение все это имеет к анархизму, желающему уничтожить принуждение и не могущему принудить людей чувствовать и думать, как свободные люди?

Я хорошо знаю, что люди, очарованные большим успехом большевиков, подобно Петру Аршинову, стараются сделать диктатуру приемлемой, изображая ее в качестве простого средства для защиты революции против ее врагов. Но где тонко, там и рвется. Если вы позволите власти проникнуть через эту отдушину, то она скоро завладеет всем, как это и случилось в России. Цинцинат вернулся к плугу, но Троцкий к нему не вернулся, а повернул пушки против Кронштадта. В этом и состоит основное различие.

Диктатор не терпит двух мнений, и поэтому Аршинов сам мечтает об интернациональной «однородной программе, единой идеологии и единой тактике, чтобы объединить анархические силы в одну «общеанархическую организацию»» (стр. 4). Он также очень решительно заявляет: «Революционный анархизм не должен отступать перед тем фактом, что система диктатуры означает систему власти и, следовательно, противоречит анархической теории безвластия» (стр. 8). Вот именно! — и вот почему мы отвергаем диктатуру, вот почему мы — анархисты. Если Петр Аршинов думает, что он привлечет на сторону диктатуры кого-нибудь из тех, кто думает как анархист, то он очень наивен. Если он надеется и желает заставить анархистов отказаться от своих идей, доказав им, что Ленин и Муссолини были успешными вождями и что анархисты не могут рассчитывать быть такими же вождями, то его антианархическая пропаганда становится нелепой и теряет всякий интерес в наших глазах.

Аршинов, по-видимому, не может или не хочет руководствоваться подлинным смыслом тех слов, которые он вос-

производит в качестве цитаты. Я тщательно сравнил приведенные им слова из того, что я писал в № 11 и 16 «Пробуждения», с тем смыслом, какой он придает этим словам на странице 10. Мне редко приходилось встречать более неправильные и недобросовестные, или плохо понятые, или небрежно переданные цитаты, чем упомянутые выше. Кроме того, он пытается представить дело так, что статья в № 16 (июнь 1931 г.), перепечатанная — как определенно заявляет редакция — на страницах «Рассвета» за время с 24 июня до 1-го июля 1931 года, была будто бы первоначально напечатана в «Рассвете» (стр. 10, примечание). В длинной статье, помещенной в № 11, я обратился ко всем, не стоящим за диктатуру социалистам и к социальным реформаторам* с призывом объединиться против большевицкой узурпации и в будущем действовать под лозунгом: «никакой диктатуры». Я также (в № 16, стр. 80) сравнил смены политических систем, единодушно принятых и остающихся на страницах истории: перевороты, произошедшие в марте 1917 года в России, зимою 1918-19 в центральной Европе и испанский переворот 14 апреля 1931 года, — с отсутствием прочных успехов в прежние времена, когда возникали социальные перевороты чисто революционного характера, вроде Парижской Коммуны 1871 года, июньской революции 1848 года, «красных недель» 1909 и 1914 г.г. в Барселоне и Романье, и вплоть до октябрьской революции 1917 года в России, которая и до сего дня может поддерживаться лишь с помощью диктатуры.

В подобном контексте я обычно употребляю термины «гуманиста» или «социальные реформаторы», и весь мой текст дает читателю возможность понять, что я понимаю под этими терминами. Если в этом месте было напечатано «социал-реформизм», то это объясняется, я думаю, случайным недоразуме-